

Н а с ц е н а ж м и р а

АНГИЯ

КОРОЛЬ ЛИР— ПРОСТОЙ ЧЕЛОВЕК

Чарльз Лоутон в роли Лира. Король Лир: «Как! Как, Корделия! Исправь ответ свой, судьбы своей не порти!».
Фото Д. СИМ (Англия).

но только для того, чтобы удовлетворить свое любопытство. Он ерзает на троне: ему не по себе. Вместе с ним и публике становится не по себе. Он произносит слова так, как будто отплевывается после жевания табачка. Он, привыкший к лести и обожанию, удивлен ответом своей младшей дочери Корделии. Слова: «Как! Как, Корделия! Исправь ответ свой, судьбы своей не порти», — он произносит не с чувством, а холодным тоном, как бы не веря в то, что слышит.

Публика столь же сильно озадачена его манерой говорить, сколько он — ответом Корделии. Лоутон не проявляет почтения к стихам. Он их сглаживает и временами на одном выдохе произносит шесть строк подряд. В первых двух актах Лир—Лоутон — человек неуравновешенный, напоминающий бабину, которая дрожит так, что люди опасаются ее падения. Но он сохраняет равновесие.

В сцене бури нет никаких звуковых эффектов, никакого грома, никакого сверкания молний. Сцена пуста, абсолютно пуста. В этом море тьмы, где плачущий шут цепляется за него, Лоутон дает возможность поэзии и бурному потоку говорить за себя. Его агония, проклятья и стоны создают волшебный эффект на фоне непроглядной тьмы. Лоутону не приходится конкурировать со стихиями и нет необходимости повышать голос, чтобы перекричать сценические шумы. Агония создает его стонущий, бормочущий, хриплый голос. Буря выражена в стихах Шекспира. Лир встречает полуобнаженного Эдгара, дрожащего от холода в землянке, и го-

ворит с ним. Бормочущий шут и неясные слова Эдгара чуть не сводят его с ума. Ему нравится быть с ними и чувствовать себя в безопасности. Но силы уже сломлены. Король окончательно сходит с ума, и мы видим, как разум покидает старика.

Когда его и Корделию арестовывают солдаты бессердечных сестер, слова: «Как божьи согляданы...» — так в стенах темницы переждем мы распри и ссоры власть имущих, что подобны приливам и отливам», — он произносит растягивая, с тихой скорбью. Когда он велит Корделию в темницу, говоря о «ярких мотыльках», в его словах чувствуются безмятежность и радость. Вновь обретенная дочь, ее близость и тепло заставляют его уйти в свою скорлупу, и он живет подсознательно.

Слова он произносит в манере, которая может помочь многим актерам осознать, что пафос и трагедию не всегда выражают декламацией, и что путей выражения человеческих горестей столько же, сколько людей на земле.

Подобно хорошему боксеру, Лоутон бережет свою энергию для финальной сцены. Он плетется вперед, неся Корделию на руках. Он не верит в ее смерть. Его густой, дрожащий от горя голос — голос не короля, а просто человека. Он придает роли общечеловеческую значимость, падая рядом со своей мертвой дочерью.

Когда я прошел за сцену, чтобы повидаться с Лоутоном, там толпились журналисты, старые друзья и поклонники. Он был все еще измучен: глаза ввалились, борода растрепана. Мы пожали друг другу руки, и он сказал: «О, какая дьявольская роль!».

Лир—Лоутон запомнится своей неповторимой, простой манерой игры. Его Лир — самый плебейский из всех, которых я когда-либо видел.

Балвант ГАРГИ,
индийский драматург.

ЛОНДОН.

СПЕКТАКЛЕМ «Король Лир» Шекспировский мемориальный театр в Стратфорде, на берегах Эвона, отметил свое столетие. Это был также прощальный спектакль известного постановщика Глена Байэма Шоу, десять лет проработавшего в этом театре.

Но в «Короле Лире» в огромной степени привлекает и другое — исполнитель главной роли Чарльз Лоутон.

Король Лир Лоутона не похож ни на одного из предшествующих.

Он-то уж никак не напоминает традиционного короля Лира. Это не худой, изнуренный, старый король, дрожащий в припадке гнева. У него сытый вид, солидное брюшко и красные щеки. Со своей белой бородой (он вырастил ее специально) и длинной развевающейся тогой он походит на турка. Английские газеты называли его «Дедом Морозом», «друидом», «Королем Капустой», — кем угодно, только не королем Лиром. Для Англии, где все еще свято хранятся королевские традиции, Лир в исполнении Лоутона, лишенный величия и царственности, удивителен. Но в этом-то и заключается сила Лоутона.

Он начинает игру весьма непринужденно. Высокий, шаткий деревянный трон скрипит под тяжестью, когда Лир—Лоутон усаживается на него без короны. Теребя бороду, он объявляет свою волю разделить королевство между тремя дочерьми и спрашивает, сильно ли они любят его,